

Обращение к животному миру в эпистолярном конфликтном дискурсе

An appeal to the animal world in the epistolary discourse of conflict

Odwołanie do świata zwierząt w epistolarnym dyskursie konfliktu

Abstract: The subject of the study is the reflection of the animal world in Russian and Polish neighbor correspondence. The functional-cognitive approach allows us to answer the questions of why and when the authors of letters turn to the “animal.” Common to the Polish and Russian material was the figurative function of expressing a negative attitude towards neighbors, along with the possibility of insulting and often dehumanizing them. Individual examples concern a mocking and ironic softening of a negative assessment. Interlingual differences concern the choice of words. The typology of reflections of the animal world shows that sound and behavioral parallels with the animal world are possible, associations with dirt and garbage are used as a characteristic feature of an animal, and the names of animals are given to identify persons intentionally acting in harm's way. In addition, the tendency to describe the sounds of intimate life was reflected only in the Polish material, while the problem with garbage was reflected only in the Russian material.

Key words: conflict discourse, neighbor correspondence, animal world, functions of words, cognitive approach

Резюме: Предметом исследования является отражение мира животных в русской и польской соседской переписке. Функционально-когнитивный подход позволяет ответить на вопросы зачем и когда авторы писем обращаются к «животному». Общей для польского и русского материала оказалась функция образного выражения негативно-оценочного отношения к соседям с возможным оскорблением их и нередко дегуманизацией. Встречаются единичные примеры насмешливо-иронического смягчения негативной оценки. Межязыковые различия касаются выбора языковых средств. Типология обращения к «животному» показывает, что возможны звуковые и поведенческие параллели с миром животных, используются ассоциации с грязью и мусором, как чертами, стереотипно приписываемыми животным, названия животных приводятся для определения лиц, намеренно действующих во вред; тенденция описывать звуки интимной жизни людей как звуки животных нашла свое отражение только в польском материале, тогда как проблема с мусором – только в русскоязычном.

Ключевые слова: конфликтный дискурс, соседская переписка, мир животных, функции языковых средств, когнитивный подход

Abstrakt: Przedmiotem analizy jest zjawisko odwoływania się do świata zwierząt w rosyjskiej i polskiej korespondencji sąsiedzkiej. Podejście funkcjonalno-kognitywne pozwala odpowiedzieć na pytania, dlaczego i kiedy autorzy listów zwracają się ku „zwierzęcemu”. Wspólną dla materiału polskiego i rosyjskiego była funkcja figuratywnego wyrażania negatywnie wartościującego stosunku do sąsiadów wraz z możliwością ich znieważenia, a często dehumanizacji, pojedyncze przykłady ukazują też funkcję kpiąco-ironicznego złagodzenia oceny negatywnej. Różnice między tekstami rosyjskimi i polskimi dotyczą wyboru środków językowych. Typologia odwołań pokazuje, że możliwe są analogie dźwiękowe i behawioralne ze światem zwierzęcym, skojarzenia z brudem i ze śmieciami jako cechami stereotypowo przypisywanymi zwierzętom, wykorzystanie nazw zwierząt jako określeń osób celowo działających na szkodę; tendencja do opisywania odgłosów współżycia seksualnego ludzi jako odgłosów zwierzęcych znalazła odzwierciedlenie jedynie w materiale polskim, natomiast problem śmieci – jedynie w materiale rosyjskojęzycznym.

Słowa kluczowe: dyskurs konfliktu, korespondencja sąsiedzka, świat zwierząt, funkcje środków językowych, podejście kognitywne

Введение

Отправной точкой данного исследования является представление о двойной природе человека, принадлежащего как к животному миру, вследствие своей биологии и физиологии, так и находящегося вне его – в мире собственного творения, в мире культуры (Kotowa, 2016, с. 24). В связи с этим небезынтересным можно считать вопрос о дискурсивном проявлении *животного* и *культурного* компонентов, в отношении которых предполагается провести анализ темы «мир животных в эпистолярном конфликтном дискурсе». Основу составит комплементарный функционально-когнитивный подход, учитывающий как выявление вербальных средств выражения животного начала с анализом функций, так и определение типов обращения к миру животных вместе с их обусловленностью. Дополнительную особенность следует видеть в обозначении сходств и различий между текстовым материалом на русском и польском языках.

Эпистолярный конфликтный дискурс

Примеры эпистолярного конфликтного дискурса и одновременно объект анализа составила переписка недовольных соседей. Уточнения требует критерий ограничения материала таким видом писем, в которых виновником проблемной ситуации выступает исключительно человек. Не принимались во внимание тем самым тексты, касающиеся неприятностей, вызванных поведением домашних либо диких животных (хотя, вторично, также людей), такие как собачьи отходы на тротуаре или кормление птиц. В отношении охарактеризованной материальной базы обращение к миру животных наблюдалось в 9 русских и 8 польских текстах из 100 для каждого языка. Следует обратить внимание на то, что принятый способ извлечения материала из интернета нашел свое выражение в характере выбранных писем, среди которых, без такового ограничения, может быть немало оригинальных, нетипичных, образных и интересных.

Жанр письма, и переписка между соседями в частности, имеет в конфликтном дискурсе¹ некоторые особенные черты, краткое представление которых необходимо для дальнейшего рассмотрения функций *животного* с установлением типов обращения к животному миру. Во-первых, расширяется круг адресатов за счет вовлечения посторонних, – дискуссия о проблеме получает свидетелей, а письмо экспонируется в широком коммуникативном пространстве. Во-вторых, автор текста предполагает не продолжение диалога, а разрешение конфликта, рассчитывая на то, что виновник прекратит проявлять себя нежелательным образом. В-третьих, для таких писем характерны большая доля стилистически окрашенных средств и нетипичное использование композиционных элементов. В-четвертых, подобные тексты имеют императивно-экспрессивный характер, проявляющийся в речевых жанрах просьбы, приказа, угрозы, запрета. И последнее: для подобных высказываний характерно обязательное указание на антиценности в связи с возникшей проблемой (Banaszek-Szapotałowa, 2023). Все перечисленные особенности эпистолярного конфликтного дискурса, как будет показано дальше, могут реализовать себя, в том числе, и вследствие обращения автора текста к миру животных.

Мир животных в лингвистическом освещении

Исследование *животного* как объекта имеет в лингвистике свою традицию. Наиболее часто поднималась эта тема при анализе лексики, фразеологии, паремии, фрагментов языковой картины мира, а также при изучении литературных текстов. Работ подобного рода немало, поэтому в списке литературы приводятся только такие, которые привлекались при разработке поднятой нами темы. В связи с упомянутым обилием работ следует обратить внимание на терминологическую вариативность. К примеру, в русскоязычной литературе для наименований животных присутствуют варианты: *зооним*, *зоолексема*, *зоонимосодержащая лексема* и *зоосемизм* (Kamalova и Sokolova, 2010, с. 212), или в польскоязычных текстах для фразеологизмов с компонентом название животного употребляются: *frazeologia animalistyczna*, *frazeologia zoomorficzna*, *frazeologia fauniczna*, *frazeologia zwierzęca*, *frazeologia naturalna*, *frazeologizmy z komponentem zwierzęcym*, *frazeologia związana ze światem zwierząt* (Piasecka, 2023, с. 42–24). Наблюдаются также разногласия в понимании отдельных терминов. Наиболее широко употребляемое слово *зооним/zoonim* используется часто в значении нарицательного наименования, «несмотря на присутствующий в нём конститутивный компонент *-onim*»² (Kołodziej, 2022, с. 277, пер. – А.Б.-Ш.). В дальнейшем термин *зооним* не будет нами применяться в силу его неоднозначности и разного толкования исследователями. Найдёт своё отражение лишь понятие *зоометафоризация*³. Необходимо в этом месте также упомянуть проблематику *animal studies* – области знаний о животных, интегрирующей специалистов разных научных дисциплин.

¹ Собственно о конфликтном дискурсе пишет, напр., Маргарита Сейранян (2012).

² „[...] bez względu na obecność w nim konstytutywnego członu *-onim*”.

³ Термины-варианты здесь, в том числе: *зооморфизм*, *зооморфная метафора* (см., напр.: Мерзликина, 2021).

Проявление мира животных в том или ином дискурсе – явление новое. Исследователи обратили уже внимание в том числе на названия животных в гендерном (Вильданова и Кудисова, 2016) или политическом контексте (Сюе, 2018). В связи с выше сказанным, рассмотрение эпистолярного конфликтного дискурса в данном ключе имеет свое значение и представляет немалую ценность.

Функции *животного* в текстах писем

Тема «мир животных в переписке между соседями» проявляет себя в разной степени – от текстообразующего мотива, через вербализацию одного лишь конфликтогена (или его элемента), в том числе в составе речевых актов просьбы, приказа, запрета, вплоть до обращения к адресату. Систематизация текстов по данному показателю послужит упорядочению материала при анализе языковых средств и их функций.

Обращение к *животному*, как **организующий письмо мотив**, встречается в двух русскоязычных текстах и в одном польском.

Здравствуйте!
 Думаю, вам стоит это знать.
 Кажется, пока вас нет дома,
 слонята, которые живут
 у вас в квартире в качестве домашних
 животных, играют в боулинг.
 Волнуюсь за их безопасность!
 Сосед снизу⁴. [1]

Перед нами типичное письмо соседу, написанное на чистом листе бумаги от руки и прикрепленное к стене пластырем, характеризующееся основными элементами жанра (формула приветствия, собственно текст и подпись). Нетипичным является как завуалированное представление проблемы, так и оформление просьбы средствами иного речевого жанра – благодаря обращению к миру животных. Конфликтоген «шумное поведение детей» передается в образе *домашних животных-слонят*, которые *играют*, наподобие людей, в *боулинг*. Такой поворот дает возможность избежать прямой просьбы утихомирить виновников, которая подменяется выражением беспокойства о безопасности домашних животных и призвана повлиять соответствующим образом на «хозяина слонят», с тем чтобы разрешить проблему. Автор тем самым не сообщает о своем дискомфорте, выступая не в роли просителя или дающего указание, а в благородной роли – проявляющего заботу о братьях наших меньших. Смягчение персуазивности письма благодаря шутливому отображению проблемы и не прямой передаче просьбы, видимо, имеет дополнительную целью не нарушать добрососедские отношения.

⁴ Все примеры из материала, по мере возможности, приводятся с сохранением особенностей их оригинальной записи (в том числе с ошибками, графическим выделением отдельных слов и т. п.).

Уважаемые соседи!
 В нашем подъезде поселилась
СВИНЬЯ, которая оставляет
 на площадке 6-го этажа пакеты
 с мусором.
Убедительная просьба, если
 застанете её на месте
 преступления, отведите её в ялев.
Поймаю лично, пуцу на сало. [2]

В этом примере автор письма не последнюю роль отводит визуальному впечатлению: текст составлен довольно крупным шрифтом, сопровождается документирующей проблему фотографией, занимает целую страницу формата А4, ключевые моменты в нем выделены большими буквами, жирным начертанием и/или подчеркиванием. Все это в сочетании с текстообразующим мотивом из мира животных, можно рассматривать как игру, рассчитанную на эффективность и запоминаемость. Дополнительно к упомянутой, типичной для подобных писем дискуссии о проблеме с привлечением свидетелей, автор выбирает стратегию исключения виновника из обсуждения, обращаясь в начале письма и формулируя просьбу лишь к остальным жильцам подъезда. В основном тексте, состоящем из трех предложений, перекликаются прямое значение лексемы *свинья* ('1. Парнокопытное млекопитающее, домашний вид которого разводят для получения мяса, сала, кожи. *Дикая с. Домашняя с. Пасты свиней. // Самка этого животного. Супоросая с.'*) с одним из переносных значений: '2. Разг. О грязном, неопрятном человеке с низменными привычками. *Настоящая с. С. свиньей.'* (Кузнецов [БТСРЯ], б. г.). Оскорбление нечистоплотного соседа и его дегуманизация достигаются посредством слова **СВИНЬЯ**, при этом сопровождаются просьбой к соседям (*отведите её в ялев*) и угрозой: Поймаю лично, пуцу на сало. Автор этим преследует одновременно две цели – прервать всякие отношения с соседом-виновником и представить себя как борца с загрязнениями в подъезде для всех остальных, с которыми общими усилиями хочет решить проблему.

Szanowni Państwo,
 PRALKA!
 U KOGOŚ Z SĄSIADÓW PRACUJE
 BARDZO GŁOŚNO PRALKA. JEJ PRACA
 A SZCZEGÓLNIĘ WIBRACJE ROZCHODZĄ
 SIĘ PO CAŁYM PIONIE. JEST TO JUŻ
 ABSOLUTNIE NIEZNOŚNE.
 PROSIMY O ZWERYFIKOWANIE
 SWOICH PRALEK. DZIĘKUJEMY
 ZA NAS WSZYSTKICH
 Przypuszczamy, że może to być nasza
 pralka, gdyż ostatnio głośno warczy i

toczy więcej piany niż zwykle. Dostała
 już reprimendę słowną i wykazuje duże
 zadatki na poprawę. Jeśli naganne
 zachowanie się zacznie się powtarzać,
 zaczniemy ją w trakcie prania
 wyprowadzać na spacer. Jeśli i to nie
 pomorze zaczniemy prac ręcznie.
 Przepraszamy. [3]

Третий и последний пример для данного вида классификации представляет собой один из немногих в материале ответов на письмо от соседа. Заявленная причина неудовольствия – удручающая вибрация и громкий шум при работе стиральной машины. В ответе с извинениями предмет спора (непрямо) приравнивается собаке, для которой характерно такое неизбежное поведение, как громкое рычание, пена изо рта (głośno warczy, toczy więcej piany). Хозяйка, как сообщают, уже предприняли определенные меры (Dostała już reprimendę słowną i wykazuje duże zadatki na poprawę) и обещают окончательное решение – выгуливать машину во время стирки: Jeśli naganne zachowanie się zacznie się powtarzać, zaczniemy ją w trakcie prania wyprowadzać na spacer. Авторы такого ответа рассчитывают на смягчение конфликта и сохранение доброжелательных отношений с соседями.

Обращение к миру животных в каком-либо месте письма, при **вербализации конфликтогена** (или его элемента), представляет еще один вид классификации материала. При обозначении проблемы чаще всего используются сравнительные конструкции с союзом *jak/jak* и указанием на то или иное животное или (в польских текстах) на гипероним *zwierzę*: *OPATY I RŻĄĆ KAK ŁOŚADY NOCZĄ W PODJEZDZIE ZAPRĘCZAJĄ!*; *niech nie drze gęby jak orangutan*; *Jak szczur z pomocą matki prześlizgnął się pomiędzy kratami i poszedł do domu*; *TO CO DZIEJE SIĘ U WAS BRZMI JAK ZARZYNANIE ŚWINIAKA!*⁵; *jęczy i piszczy jak zarzynane zwierzę*. Помимо образности подобный лексический компонент имеет целью дискредитацию нарушителей. Один из таких примеров представляет развернутое сравнение с двумя обозначениями животных в своем составе: *brzmi pani jak zarzynana foka gwałcona przez niedźwiedzia*, где объектами неприяженно-пренебрежительного отношения становятся одновременно двое – сосед и соседка.

Другое языковое средство, иного типа, – словосочетание с прилагательным *zwierzęcy*, предполагает конфликтоген, который автор в дальнейшей части сложного предложения поддает психологическому анализу с целью предостережения соседей о последствиях подобного поведения: *Zwierzęce okrzyki, które odsłaniają brak emocjonalnego zaangażowania, prowadzą prędzej czy później do kłębki układu i próby szukania sobie „na boku” kogoś normalniejszego*.

Единичным в материале оказалось соотнесение с миром животных, оформленное с помощью императива совместности: *давайте гадить в своих квартирах* (гадить имеет значение ‘Испражняться, о животных, птицах. Кошка гадит где попало.

⁵ Для обозначения свиньи употребляется вариативное к лексеме *świnia* определение *świniać*, поскольку воспроизводится образ убоя, т. е. ассоциация вызвана представлением о свинье как о животном на мясо.

Голуби гадят даже на памятники. Разг.-сниж. О человеке', БТСРЯ). Учитывая полный текст объявления, необходимо заметить, что это одно из средств, которые автор использует для выражения негативных эмоций и осуждения соседей.

Последний пример для данного типа отображения темы животного в материале представляет обозначение субъекта действия лексемами сука и гнида: В нашем доме появился ПРОЗВОНЩИК квартир!!!! ЭТА СУКА ЗВОНИТ В ДВЕРИ НА ПЛОЩАДКЕ И, ПРИ ОТВЕТЕ, БЕЖИТ НА ДРУГОЙ ЭТАЖ! Гнида даже НЕ БОИТСЯ КАМЕР и работает НЕ ОДИН!... Актуализируются не первичные значения ('1. Самка домашней собаки или других животных сем. псовых. С. оценилась. Гончая с.' и '1. Яйцо вши'), а вторичные – сука: '3. Бранно. О том, что вызывает неприятные чувства, раздражение' и гнида: '2. Бранно. Ничтожный, подлый человек' (БТСРЯ). Они содержат отрицательную оценку субъекта производимого действия, передавая заряд негативных эмоций у автора обращения.

«Животная» тема при обращении к адресату нашла свое отражение лишь в русскоязычных текстах: используются лексемы *ублюдок, быдло, сука*.

Первое слово встречается в начале писем с угрозой (что характерно), сопровождаясь при этом определением: *УБЛЮДОК который постоянно ломает оборудование на этажах и лестничных клетках! и УБЛЮДКИ!!! Которые оставляют мусор в подъезде...* Лексема *ублюдок*, основное значение которой '1. Нечистокровное, непородистое животное, помесь', употребляется здесь в значении '3. Грубо. Человек с низменными, животными инстинктами; выродок. Фашистские ублюдки. Не человек, а настоящий у.! Ах ты, у. несчастный! Вот у. на мою голову навязался!' (БТСРЯ). Подобное обращение в речевом жанре угрозы придает агрессивность высказыванию с проекцией неприятных последствий для нарушителей. В одном случае такое то ли обращение, то ли оценочная характеристика помещается автором в конце письма после приведенного ранее императива и эмоционально заряженного вопросительного восклицания *А?: давайте гадить в свои квартиры!!!!!!!!!!!! А? Ублюдки!!!!!!!!!!!!* Во всех трех процитированных случаях указанная лексема передает резкое негативно-оценочное отношение автора к предполагаемому адресату.

Лексема *сука* была употреблена в середине письма при форме императива: *Это лифт «эконом класса», т.е. без унитаза! Поэтому терпите, суки, до квартиры!* Насмешливо-ироническая вербализация конфликтогена контрастирует здесь с бранным обращением ко многим (значение лексемы уже приводилось), из чего следует озлобленность и резкое недовольство автора. Вместе с тем подобное намеренно вставленное обращение имеет целью оскорбить всех, кто так поступает.

УВАЖАЕМЫЕ
БЫДЛО СОСЕДИ!
ПОЖАЛУЙСТА!
ВЫБРАСЫВАЙТЕ
МУСОР В КОНТЕЙНЕР. [4]

Данный пример необычен, во-первых, тем, что это надпись краской на стене подъезда, а во-вторых, расширяющей эмоционально-экспрессивной модификацией начальной формулы за счет использования лексемы из мира животных. Автор

играет на контрасте вежливых слов уважаемые, пожалуйста и презрительного быдло: '[от польск. *bydło* – скот] Презрит. О людях, покорно подчиняющихся чужой воле и проводящих жизнь в тяжёлом, изнурительном труде на кого-л. / О людях из низших социальных слоёв. Первоначально слово употреблялось презрительно по отношению к крестьянской массе' (БТСРЯ). Функция подобного обращения к миру животных заключается в выражении негативных эмоций, в оскорблении нарушителей и их резко негативной оценке.

Типология обращения к миру животных

Задача данного вида анализа сводится к определению возможных типов появления темы *животного* в текстах писем по таким значимым для нее параметрам, как ценности/антиценности, однословность / цепочка ассоциаций в составе текста, единичность или повторяемость в собранном материале и, наконец, мотивация обращения к тому или иному животному.

Исходя из примеров, *слонята-домашние животные* и *собака* (непрямой при стиральной машине) можно считать единственными в собранном материале случаями относительно **позитивного** проявления темы. Видимо, потому, что они затрагивают проблемы, вызванные либо детьми, либо не человеком, а неисправной машиной. Все остальные употребления – *свинья* и *świnia*, *orangutan*, *foka*, *niedźwiedź*, *лошадь*, *zwierzę* и *zwierzęcy*, *сука*, *гнида*, *ублюдок* (*ублюдки*), *быдло*, *гадить* – используются в текстах о нарушителях в качестве **актуализаторов антиценностей**.

Цепочка ассоциаций нашла свое отражение в трех письмах, предполагая в своих значениях как поведение животного, так и типичное обращение с ним человека: *свинья* – животное грязное, живет в клеву, выращивается для мяса и сала (о том, кто выставляет мусор на лестничной площадке, сосед или соседка); *собака* – рычит, выпускает пену изо рта, выгуливается (о сломанной стиральной машине – единственный в материале пример зоометафоризации в отношении предмета, а не человека); *домашние животные*, в данном случае *слонята*, играют в квартире и требуют присмотра для их безопасности. Остальные примеры представляют собой **ассоциации единичные**.

Звуковые параллели с миром животных, касающиеся интимной жизни соседей, представлены в 5 польских письмах (в письмах на русском языке эта тема присутствует, но без обращения к миру животных). Доходящие из-за стены звуки напоминают авторам писем возгласы орангутана (о мужчине), тюленя, которого режут и одновременно насилуют (о женщине), свиньи при убое, и дважды – *jak zarzynane zwierzę* и *zwierzęce okrzyki* – убиваемого животного, вид которого не уточняется (о совместном проявлении пары во время производимого акта). Звуковая ассоциация имела место еще в одном тексте на русском. Говорится в нем о ржании лошадей (о компаниях подростков или выпивок, регулярно производящих шум, ведущий себя вызывающе у подъезда в ночное время). Не соответствующее воспитанному человеку поведение переводит его подобным сравнением в сферу *животного*.

Ассоциации с мусором довольно регулярны в русскоязычных текстах – появляются в 5 письмах. В них используются слова *свинья*, *быдло*, *ублюдки* (о мусоре на лестничной площадке), а также *ублюдки* и *гадить* (о мусоре, выбрасываемом с балкона). В польском материале данная проблема находит свое отражение без обращений к миру животных.

Для обозначения намеренных **действий во вред** употребляются переносные значения лексем *сука* и *гнида* (о «прозвонщике» квартир), *ублюдок* (о порче общего имущества на лестничной клетке).

Поведенческие аналогии единичны – это ассоциация со слоном, точнее слонятами и с ловкой крысой (о воре электропроводки).

Заключение

Подведя итоги двух видов исследования, внимание следует обратить на межкультурные и межтекстовые русско-польские различия.

В отношении языковых функций было выявлено следующее:

- мир животных актуализируется в соседской переписке в основном как эмоционально-экспрессивная реакция на проблемную ситуацию, в результате которой авторы образно выражают свое негативно-оценочное отношение к нарушителям, одновременно оскорбляя их и нередко дегуманизируя;
- письмо с использованием насмешливо-иронического обращения к *животному* имеет целью (в двух случаях) смягчение негативной оценки;
- для русскоязычных текстов возможно (в 5 примерах из 100) использование обращения при посредстве лексем (*суки*, *ублюдки*, *быдло*), имеющих фиксированное словарями значение 'о человеке' с пометами грубо, презрительно, бранно (в польском материале чего-то подобного не наблюдалось⁶).

Типология обращения к *животному* показывает, что:

- за исключением двух случаев, находят свое отражение маркеры антиценностей при единичных ассоциациях в составе письма;
- возможны звуковые и поведенческие параллели с миром животных, используются ассоциации с грязью и мусором, как характерной чертой для *животного*, названия животных приводятся для определения лиц, намеренно действующих во вред;
- тенденция описывать звуки интимной жизни соседей нашла свое отражение только в польском материале (в 5 примерах из 100), тогда как проблема с мусором – только в русскоязычном (в таком же соотношении).

Как показал анализ обращения к животному миру в эпистолярном конфликтном дискурсе, подход к дискурсивному проявлению выбранных тем имеет свою перспективу, особенно при сопоставительном рассмотрении.

⁶ Не исключено, что подобное явление имеет место и в польских условиях, но, видимо, администраторы польскоязычных интернет-ресурсов, с учетом соответствующих регламентаций, подобные тексты не допускают.

Источники

- [1] Письмо. Получено 26.05.2017 с: <http://timeallnews.ru/index.php?newsid=24905>.
 [2] Письмо. Получено 01.07.2017 с: http://pikabu.ru/story/okh_uzh_yeti_sosedi_4983162.
 [3] Письмо. Получено 23.07.2017 с: <http://obrazky.pl/13904/Pralka-u-sasiadow>.
 [4] Письмо. Получено 31.05.2017 с: <http://fishki.net/1240553-podezdnaja-zhizn.html/gallery-535112/>.

Литература

- Вильданова, Г.А., Кудисова, Е.А. (2016). Зооморфные пейоративы и эвфемизмы в гендерном дискурсе: психолингвистический аспект. *Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева*, 139–143 [Vil'danova, G.A., Kudisova, Ye.A. (2016). Zoomorfnyye peyorativy i eufemizmy v gendernom diskurse: psikhologicheskii aspekt. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'yeva*, 139–143].
- Мерзликina, О.В. (2021). Зооморфные метафоры «домашний скот» в русской и галисийской языковых картинах мира. *Вестник Томского государственного университета. Филология*, 71, 114–132 [Merzlikina, O.V. (2021). Zoomorfnyye metafory «domashniy skot» v russkoy i galisiyskoy yazykovykh kartinakh mira. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 71, 114–132].
- Кузнецов, С.А., (б. г.). *Большой толковый словарь русского языка*, <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyy-slovar> (БТСРЯ) [Kuznetsov, S.A., (b.d.). *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka*, <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyy-slovar> (BTSRYA)].
- Сейранян, М.Ю., (2012). *Конфликтный дискурс: социолингвистический и прагматический аспекты*. Прометей [Seyranyan, M.Yu., (2012). *Konfliktnyy diskurs: sotsiolingvisticheskii i pragmaticheskiy aspekty*. Prometey].
- Сюе, Л., (2018). Зоометафора как средство выражения негативной оценки в политическом дискурсе (на материале китайского и русского языков). *Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки*, 14(809), 173–186 [Syuye, L. (2018). Zoometafora kak sredstvo vyrazheniya negativnoy otsenki v politicheskom diskurse (na materiale kitayskogo i russkogo yazykov). *Vestnik MGLU. Gumanitarnyye nauki*, 14(809), 173–186].
- Banaszek-Szapotałowa, A. (2023). O gatunkowości listu w dyskursie konfliktu. *Prace Językoznawcze*, 25(4), 147–159.
- Kamalova, A., Sokolova, A. (2010). O printsipakh leksikografirovaniya v tolkovykh slovaryakh russkogo yazyka (na materiale zoonimicheskoy leksiki). *Acta Polono-Ruthenica*, 15, 209–222 [Kamalova, A., Sokolova, A. (2010). O printsipakh leksikografirovaniya v tolkovykh slovaryakh russkogo yazyka (na materiale zoonimicheskoy leksiki). *Acta Polono-Ruthenica*, 15, 209–222].
- Kołodziej, A. (2022). Kilka uwag o współczesnej kynonomii zachodniosłowiańskiej. *Poznańskie Studia Slawistyczne*, 23, 273–293.
- Kotowa, B. (2016). Natura czy kultura? *Chowanna*, 2, 17–28.
- Piasecka, A. (2023). Procesy myślowe człowieka odzwierciedlone w polskich i rosyjskich frazeologizmach animalistycznych z zoonimami oznaczającymi wybrane zwierzęta hodowlane (rozważania z antropocentryzmem w tle). *Językoznawstwo*, 2(19), 41–56.